

Зер

10
сентября/1955

P 1285682

ИЗБЯНЫЯ ПЪСНИ

ОТТО ЭЛЬСНЕРЪ - БЕРЛИНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИОЫ”

N. KLÜJEFF

ISBALIEDER

VERLAG „SKYTHEN“ / BERLIN

Н. КЛЮЕВЪ

ИЗБЯНЫЯ ПЪСНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИФЫ“ / БЕРЛИНЪ

Право собственности закрѣплено за издательствомъ
во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается законами.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Übersetzungsrecht.

Copyright by Editor („Scythians“)
1920.

КРАСНАЯ ПѢСНЯ

Распахнитесь орлиныя крылья,
Бей набать и гремите грома —
Оборвалися цѣпи насилья
И разрушена жизни тюрьма!

Широки черноморскія степи,
Буйна Волга, Уралъ златорудъ —
Сгинь кровавая плаха и цѣпи,
Каземать и неправедный судъ!

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ трудовой
Идемъ мы на битву съ врагами —
Довольно имъ властвовать нами!
На бой, на бой!

Пролетѣла надъ Русью Жаръ-птица,
Ярый гнѣвъ зажигае въ груди...
Богородица наша Землица —
Вольный хлѣбъ мужику уроди!

Сбылись думы и давніе слухи,
Пробудился Народъ-Святогоръ;
Будеть медъ на домашней краюхѣ
И на скатерти ярокъ узоръ.

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ трудовой
Идемъ мы на битву съ врагами —
Довольно имъ властвовать нами!
На бой, на бой!

Хлѣбъ да соль, Костромичъ и Волынецъ,
Олончанинъ, Москвичъ, Сибирякъ!
Наша Волюшка — Божій гостинецъ —
Человѣчеству свѣтлый маякъ!

Отъ Байкала до теплаго Крыма
Расплеснется ржаной Океанъ.
Ослѣпительнѣй ризъ серафима
Заревой Святогоровъ кафтанъ.

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ трудовой
Идемъ мы на битву съ врагами —
Довольно имъ властвовать нами!
На бой, на бой!

Ставьте-же свѣчи Мужицкому Спасу!
Знанье — братъ, и наука — сестра.
Ликъ пшеничный, съ брадой солнцевласой—
Воплощеніе любви и добра!

Оку Спасову сумракъ несносенъ,
Ненавистенъ телецъ золотой;
Китежь-градъ, ладанъ Саровскихъ сосенъ —
Вотъ нашъ рай вождельный, родной.

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ трудовой
Идемъ мы на битву съ врагами —
Довольно имъ властвовать нами!
На бой, на бой!

Вѣрьте-жь, братья, за чернымъ ненастьемъ
Блещетъ солнце — Господне окно;
Чашу съ кровью, всемірнымъ причастьемъ,
Намъ испить до конца суждено.

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ трудовой
Идемъ мы на битву съ врагами, —
Довольно имъ властвовать нами,
На бой, на бой!

ФЕВРАЛЬ

Двѣнадцать мѣсяцевъ въ году,
Посланецъ бурь — февраль;
Онъ полуночную звѣзду
Перековаль на сталь.

И сталь поетъ ясна, остра,
Какъ половодный ледъ.
Не самоцвѣтовъ-ли гора
Изъ сумрака встаетъ?

То огнепальное чело,
Очей грозовой пыль
Того, кто адское жерло
Слезю угасилъ.

Чей крестный потъ и сѣрый кусъ
Лучистѣй купины.
Онъ — воскрешенный Иисусъ,
Народъ родной страны.

Трепещетъ адъ гвоздиныхъ ранъ
Терноваго чела . . .
Въ глухой степи, гдѣ синь-туманъ,
Пылають купола.

То кровью выкупленный край,
Земли и Воли градъ.
Многоплеменный каравай
Подѣлять съ братомъ братъ:

Литва — съ кряжистымъ Пермьякомъ,
Съ Карелою — Туркменъ;
Не сломать штыкъ, чугунный громъ
Ржаного Града стѣнь,

Не осквернять палящій ликъ
Свободы золотой . . .
Красноголосый вѣчевикъ —
Ликуй, народъ родной.

Алмазный плугъ подыметъ яръ
Волхвующихъ бороздъ.
Овинъ — пшеничный государь
Въ вѣнцѣ изъ хлѣбныхъ звѣздъ.

Его сермяжный манифестъ —
Предвѣчности строка . . .
Кто палъ, неся кровавый крестъ,
Земля тому легка.

Тому овинная свѣча,
Какъ Спасу, зажжена . . .
Моря мірскаго калача
Безъ берега и дна.

Въ нихъ погибають корабли:
Неволя, Лихо, Сглазь —
То Царь Морской — Душа Земли —
Свершаетъ брачный плясъ.

ИЗБЯНЫЯ ПЪСНИ

Четыре вдовицы къ усопшей пришли . . .
(Крича бороздили лазурь журавли,
Сентябрь-скопидомъ въ котловинъ сундуки
Съ сынкомъ Листодеромъ ссыпаль мѣдяки).
Четыре вдовы въ поминальныхъ платкахъ,
Та съ гребнемъ, та съ пепломъ, съ рядниной
въ рукахъ,

Пришли, положили поклонъ до земли,
А послѣ съ ковригою печь обошли,
Чтобъ печка-лебедка, бѣла и тепла,
Какъ допрежь, сытовые хлѣбы пекла.
Посыпали пепломъ на куричій хвостъ,
Чтобъ немочь ушла, какъ мертвецъ, на погостъ.
Хрущатой рядниной покрыли скамью —
На одръ положили родитель мою.

Какъ ель подъ шелою, вздохнула изба,
Въ углу зашепталася тѣней гурьба,
Въ хлѣвушкѣ замукаль сохатый телокъ,
И вздулся, какъ парусъ, на грядкѣ платокъ, —

Дохнуло Молчанье . . . Одни журавли,
Какъ витязь побѣду, трубили вдали:
„Мы матери душу несемъ за моря,
Гдѣ Солнцеву зыбку качаетъ Заря,
Гдѣ въ красномъ покоѣ дубовы столы,
Отъ мисъ съ киселемъ словно кипень бѣлы.
Тамъ Митрій Солунскій, съ Миколою Власъ
Святыхъ обряжаютъ въ камлотъ и атласъ,
Креститель Иванъ съ ендовы росписной
Ихъ поить живой Іорданской водой . . .“

Зардѣлось оконце . . . Закать золотарь
Шастъ въ избу незваный: — „Принесъ-де
стихарь —

Умершей обнову, за пѣсни въ бору,
За думы въ разсвѣтки, за сказъ въ вечеру . . .
А вынось блюсти я съ собой приведу
Сутемки, Зарянку и внучку Звѣзду;
Скупцу жъ Листодеру чрезъ мокреть и гать
Велю золотыя ширинки постлатъ“.

Лежанка ждет кота, пузанъ-горшокъ хозяйку —
Объявятся они, какъ въ солнечную старь,
Мурлыкѣ будетъ блинь, а печку-многознайку
Насытятъ щаный паръ и гречневая гарь.

Въ окнѣ забрежжитъ лучъ — волхвующая сказка,
И вербой расцвѣтетъ ласкающій уютъ;
Запечныхъ бѣсенятъ хихиканье и пляска,
Какъ въ заморозки ключъ, испуганно замрутъ.

Увы, напрасенъ сонъ. Кудахчетъ тщетно рябка,
Что крошекъ нѣтъ въ зобу, что сумракъ такъ
уныль —
Хозяйка въ небесахъ, съ мурлыки сшита шапка,
Чтобъ дѣдовскихъ сѣдинъ буранъ не ледениль.

Лишь въ предразсвѣтный часъ лѣсной, снотвор-
ной влагой
На избяную тварь нисходитъ угомонъ,
Какъ будто нѣтъ Судьбы, и про блины съ котягой,
Блюды печной дозоръ, шушукаетъ заслонъ.

Отъ сутемоць до звѣздъ и отъ звѣздъ до зари
Бѣль бересты, зыбь, хвой и смолы янтари,
Переключка гагарь, водь дремучая дремь,
И въ избѣ, какъ въ дуплѣ, рудо-пѣгая темь,
Отъ ловушекъ и шкуръ лисій таежный духъ,
За оконцемъ туманъ, словно гагачій пухъ,
Журавлиный пролетъ, ропоть ливня вдали,
Надъ поморьемъ лѣсовъ облаковъ корабли,
Надъ избою кресты благосѣнныхъ вершинъ...

Спать въ землѣ дѣдъ и мать, я въ потемкахъ одинъ.
Чую сѣть на стѣнѣ, самопрялка въ углу;
Какъ совята съ гнѣзда, заглядѣлись во мглу,
Сиротѣютъ въ укладѣ шушунъ и платокъ;
И на отмели править поминки челнокъ,
Ель гнусавить псаломъ: „яко воскъ отъ огня“...
Далеко до лѣснаго желѣзнаго дня,
Когда боръ, какъ кольчужникъ, dospѣхомъ гре-
митъ —
Королевну-Зарю полонить норовить.

Хорошо въ вечеру, при лампадкѣ,
Погрустить и поплакать втишокъ,
Изъ рѣзной, низколобой укладки
Недовязанный вынуть чулокъ,

Ненаѣдою-гостемъ за кружкой
Усадить на лежанку кота,
И слѣдить, какъ лучи надъ опушкой
Догорають видѣньемъ креста,

Какъ бредеть позадь дремлющихъ гуменъ,
Оступаясь, лохматница-мгла. . .
Все по старому: дѣдъ, какъ игуменъ,
Спитъ лахань и притихла метла.

Тамъ божничныя сумерки строже.
Дѣдъ безмолвенъ, провидя судьбу,
Глубже взоръ и морщины. . . О, Боже —
Завтра годъ, какъ родная въ гробу!

Шестокъ для кота, что амбаръ для попа,
Къ нему не заглохнетъ кошачья тропа:
Зола, какъ перина, — лежи, почивай —
Приснятся снетки, просяной каравай.

У матери-печи одно на умѣ:
Теплынь убережь да всхрапнуть въ полутьмѣ;
Недаромъ въ глухой, свечерѣвшей избѣ,
Какъ парусу въ ведро, дремотно тебѣ.

Ой, вороны-сны, у невѣсты моей
Не выклевать вамъ безпотемныхъ очей!
Летите къ мурлыкѣ, на теплый шестокъ,
Куда не заглянетъ прожорливый рокъ,

Гдѣ странники годы почили золой,
И безперечь хнычетъ горбунъ-домовой;
Ужели плакида, запечный жилецъ,
Почуяль разлуку и сказки конецъ?

Кота-жь лежебока будите скорѣй,
Чтобъ былъ на сторожѣ у чуткихъ дверей,
Мяукаль бы злобно и хвостъ распушилъ,
На смерть трясогузую когти остриль.

Весь день поучатися правдѣ Твоей,
Какъ вешнюю озимь, ждять свѣтлыхъ гостей
Въ раю избяномъ, и въ затишьи гумна
Поплакать медово, что будетъ „она“.
Задремлется дѣду, лучина замретъ —
Безплотная гостья въ свѣтелку войдетъ,
Поклонится Спасу, погладить внучать,
Какъ травка лучу, улыбнется на платъ:
Висить, дескать, сырый, хозяйкѣ въ замѣнъ.
Повыкованъ вѣнчикъ изъ облачныхъ пѣнъ:
Очелье — алмазъ, по бокамъ — изумрудъ,
Трехъ отроковъ пещныхъ и ангеловъ трудъ.
Пѣтухъ кукарекнетъ, забрезжить свѣтецъ,
Въ дверяхъ засіяетъ Медомтовъ вѣнецъ;
Пречудный святитель войдетъ съ посошкомъ,
Въ пастушьихъ лапотцахъ, повитый лучемъ.
За нимъ, умѣряючи крыль паруса,
Предстанетъ Иванъ — грозовая краса:
Онъ съ чашей крестильной, и голубь надъ нимъ...
Всю ночь поучаюсь я тайнамъ твоимъ.
Заутро у бурой полнѣе удой,
У рябки яичко, и весель гнѣдой.
А тамъ, гдѣ святые росую прошли,
Съ курлыканьемъ звонкимъ снуютъ журавли:
Чтобъ сизыя крылья и клювъ укрѣпить,
Имъ надо росы благодатной испить.

Зима изгрызла бокъ у стога,
Вспорола скирды, но вдомякъ
Буренкѣ пѣгая дорога
И грай нахохленныхъ сорокъ,

Сороки хохлятся — къ капели,
Дорога пѣга — быть теплу.
Какъ лещъ наживку, ловятъ ели
Луча янтарную иглу.

И лучъ бѣжить въ переполохѣ,
Ныряетъ въ хвои, въ зыбь вѣтвей. . .
По вечерамъ коровьи вздохи
Снотворнѣй бабкиныхъ рѣчей:

„Къ веснѣ пошло, на рѣчкѣ глыбко,
Буренка чуетъ водополь“ . . .
Изба дремлива, словно зыбка,
Гдѣ смолкли горести и боль.

Лишь въ поставцѣ, какъ скряга — злато,
Теленье числа и удой,
Подойникъ съ кринкою щербатой
Тревожатъ сумракъ избяной.

Въ селѣ Красный Волокъ пригожій народъ.
Лебедушки дѣвки, а парни, какъ медъ,
Въ моленныхъ рубахахъ, въ бѣленныхъ портахъ,
Съ малиновой рѣчью на крѣпкихъ губахъ;
Старухи въ долгушкахъ, а дѣды — стога,
Ихъ розказни внукамъ милѣй пирога:
Вспушатся усищи, и киноварь словъ
Выводить узоры пестрѣй теремовъ.
Моленна въ селѣ — семискатный навѣсъ:
До горняго неба семь нижнихъ небесъ,
Ступенчаты крыльца, что часъ, то ступень,
Всѣхъ двадцать четыре — заутренній день.
Рундукъ запорожный — пречудный еаворъ,
Гдѣ плоть убѣлится, какъ пѣна озеръ.
Бревенчатый коробъ — утроба кита,
Гдѣ спасся Іона двуперстемъ креста.
Озерная схима и куколь лѣсовъ
Хоронятъ село отъ людскихъ голосовъ.
По Пятничнымъ зорямъ на хартіи водъ
Всевышнія притчи читаетъ народъ:

„Сладчайшаго Гостя готовьтесъ принять!
Грядетъ Онъ въ нощи, яко скимень и тать;
Будь парнемъ женатый, а парень, какъ дѣдъ“...
Полощется въ озерѣ маковый свѣтъ,
Въ пѣганяя глуби уходитъ столбомъ
До сердца земного, гдѣ праотцовъ домъ.
Тамъ, въ саванахъ блѣдныхъ, соборы отцовъ
Ждутъ радужныхъ чаекъ съ родныхъ береговъ:
Летятъ онѣ съ вѣстью, судьбы бирючи,
Что поправа Бездна и Ада ключи.

Коврига свѣжа и духмяна,
Какъ росная пожня въ лѣсу,
Пушистъ у кормилицы мякишъ,
И бѣлъ, какъ бересто, исподъ.

Она — избяное свѣтило,
Лучистѣ дѣтскихъ кудрей:
Въ чуланъ загляни ненарокомъ —
Въ лицо тебѣ солнцемъ пахнетъ.

И въ часъ, когда сумерки вяжутъ,
Какъ бабка, косматый чулокъ,
И хочется маленькой Машѣ
Сытоваго хлѣбца поѣсть, —

Въ ржаномъ золотистомъ сіяньи
Коврига лежитъ на столѣ,
Ножу лепеча: „я готова
Себя на закланье принести“.

Кутокъ у малютки въ подолѣ —
Въ затонѣ рыбачій карбась:
Поломана мачта, пучиной
Изгрызаны днище и руль —

Но свѣтлая радость спасенья,
Прибрежная тишь послѣ бурь
Зарѣютъ въ ребяческихъ глазкахъ,
Какъ ведренный, синій Іюль.

Вешнія капели, солнопекъ и хмара,
На соловомъ плесѣ первая гагара,
Духъ хвои, бересты, проглянувшій щербень,
Темью — сонъ-липуша, розказни да гребень.
Тихій, мѣрный ужинъ, для ночлега лавка,
За оконцемъ мѣсяць — Божья камилавка,
Сонъ сладимѣй сбитня, пѣтухи съ просонокъ,
Въ зыбкѣ снигиренкомъ пискнувшій ребенокъ,
Надъ избой сутемки — дѣдовская шапка,
И въ углу божничномъ съ лестовкою бабка...
Отъ печного дыма ладонъ пуцъ сладимый,
Молвь отшельницъ-елей: „иже херувимы“.
Вновь капели бусы, солнопека складень...
Думъ — гагаръ пролетныхъ не исчислить за
день.

Пни — лѣсные дѣды, въ дуплахъ гудъ осиный,
И отъ лыжъ пролужья на тропѣ лосиной.

Бродить темень по избѣ,
Спотыкается съ просонокъ,
Балалайкою въ трубѣ
Заливается бѣсенокъ:

Трынъ, да брынъ, да тере-рень...
Чу! заутреные звоны!
Богородицына тѣнь,
Просіявъ, сошла съ иконы.

Въ дымовище сгинулъ бѣсъ,
Печь, какъ старица, вздохнула;
За окномъ бугоръ и лѣсъ
Зорька въ сыту окунула.

Тамъ, минуючи зарю,
Ширь, безвѣстныхъ плоскогорій,
Одолѣть судьбу-змѣю
Скачетъ пламенный Егорій.

На задворки вышелъ Власъ
Съ вербой, въ вѣнчикѣ сусальномъ...
Золотой, воскресный часъ,
Просіявшій въ безначальномъ.

Судьба-старуха нишетъ дни,
Какъ зерна бусъ — на нить:
Мелькнетъ игла — и вотъ они,
Кому глаза смежить;

Блеснетъ игла — опять чередъ
Любить, цвѣты срывать. . .
Не дологъ день, и кратокъ годъ
Нетлѣнное создать.

Все прахъ и дымъ. Но есть въ вѣкахъ
Богорожденный часъ.
Онъ въ сердобольныхъ деревняхъ
Зовется Свѣтлый Спасъ.

Не потому-ль родимыхъ сель
Смиренномудренъ видъ,
Что жизнедательный глаголь
Имъ явственно звучить,

Что небо теплитъ имъ огни,
И Дѣва-благодать,
Какъ тихій ленъ, спрядаетъ дни,
Чтобъ вѣчное соткать?

Рыжее жнивье — какъ книга,
Борозды — древняя вязь,
Мыслить начетчица-рига,
Свѣтлымъ рѣченьямъ дивясь.

Поть трудолюбца Юля,
Сказку кряжистой избы —
Все начертала косуля
Въ книгѣ народной судьбы.

Полно скорбѣть, человѣче,
Счастье дается въ чередѣ!
Тучку — клубъ шерсти овечьей
Лѣшева бабка прядеть.

Вѣтромъ гудить веретище,
Маревомъ тянется нить:
Время въ глубокомъ мочищѣ
Лень съ конопелью мочить.

Изморозь стелеть рогожи,
Зябнетъ калины кора:
Выдубить бѣлыя кожи
Дѣду приспѣла пора.

Зыбку, съ чепцомъ одѣяльце
Прочить болѣзная мать —
Знай, что кудрявому мальцу
Тяжкой по осени стать.

Что начертала косуля,
Все оборотится въ быль...
Эхъ-ма! Лебедка Акуля,
Спой: „не шуми чернобыль!“

ОТТО ЭЛЬСНЕРЪ, БЕРЛИНЪ.